

БОРИС АКУНИН

КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Когда полтора года назад на прилавках появился роман Бориса Акунина «Азазель», никто толком и не заинтересовался предупредительной фразой на обложке «Б.Акунин — это псевдоним». Не до того было. Впервые, кажется, «читающая публика», не стесняясь, поглощала детектив. Акунин был явно не похож не только на коллег по «цеху мягких обложек», но и на вполне достойных предшественников. Отличный русский язык, редкая для писателя эрудированность, причем не только в традиционной культуре (уже в первом романе выяснилось, например, что Акунин — поклонник фильмов о Бонде), уникальная работоспособность (пять романов за год) без явных потерь качества, наконец.

Когда минувшей осенью псевдоним был наконец раскрыт, никто не удивился. 43-летний культуролог, переводчик-японист и зам главного редактора «Иностранной литературы» Григорий Чхартишвили на роль Акунина годился едва ли не больше, чем кто бы то ни было. Несколько лет назад его имя гремело (если можно греметь в обществе, состоящем максимум из сотни человек) в связи с блистательными переводами Юкио Мисимы, затем — в связи с книгой «Писатель и самоубийство». Как с умилением отметили фанаты, Чхартишвили идеально воплощал редкий у нас западный тип писателя: днем — преподавание в университете (или какая-нибудь еще полезная служба), вечерами — сочинение шедевров.

Когда говорят об Акунине, непременно делают акцент на связи его детективов с классической русской литературой, на то, что «Приключения сыщика Эраста Петровича Фандорина» суть сама литература. Но детективными коллизиями местного читателя не удивишь — у нас вообще романист номер один про убийство старухи писал. Главное, пожалуй, в другом: Акунин сочинил принципиально нового героя. Жгучий коктейль из Холмса, агента 007 и Ставрогина. Пример для подражания юношеству. Редкий на отечественных просторах человек действия, отягощенный при этом моральной разборчивостью: патриот, консерватор и контрреволюционер. Такие персонажи имеются во всех уважающих себя национальных детективах — неважно, что кое-где это старый комиссар с трубкой в зубах, а где-то — супермен с лицензией на убийство. Теперь и в России.

Алексей КОРОЛЕВ

МК в номер — 2000. — 12 марта. С 42-43

Дмитрий ТКАЧЕВ

— Пока вы скрывались за псевдонимом Б.Акунин, иные поклонники строили версии, иные загадочно улыбались и хранили тайну. Была интрига. Кто такой Б.Акунин теперь, когда объявлено, что романы про Эраста Петровича Фандорина пишете вы, Григорий Чхартишвили?

— Борис Акунин — это беметрист. Это человек, сочиняющий развлекательные тексты. Мне всегда казалось, что любой человек, любой, какого ни возьми, — это не один человек, а несколько. Можно назвать это масками, можно назвать это гранями — как угодно. Поэтому ничего тут прин-

ципиально нового нет. Более того, я и по себе знаю: я могу быть Григорием Чхартишвили, я могу быть Борисом Акуниным, я могу быть кем-то еще...

Что касается интриги: интрига меня не очень радовала, пока она существовала. Я придумал псевдоним вовсе не для того, чтобы кого-то мистифицировать, и не для того, чтобы создавать какую-то дымовую завесу. Во-первых, я работаю в серьезном литературном журнале, и быть детективщиком как-то не вполне прилично в этом качестве. Во всяком случае, до тех пор, пока эта литература не стала достаточно популярной; а победителей не... обсуждают. Это одно.

Второе: как раз когда я начал писать первый детектив, я работал над

очень серьезной для меня литературоведческой книгой «Писатель и самоубийство», и мне ну очень не хотелось, чтобы ее воспринимали как сочинение детективщика. Тогда в ней искали бы совсем другое — развлечение, а в ней, поверьте, никакого развлечения нет. Вот когда эта книга благополучно вышла, мой псевдоним стал мне не нужен, и я с легкостью и с удовольствием с ним расстался.

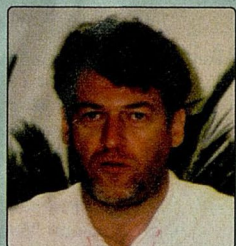
— Григорий Чхартишвили не боится, что Борис Акунин его затмит, не оставит ему места?

— Ну, во-первых, что касается литератора Григория Чхартишвили, то Акунин его давно вытеснил. Потому что моя книжка «Писатель и самоубий-

ство» вышла тиражом 4000 экземпляров; Акунин продает, как вы понимаете, гораздо большие тиражи. Но это нормально... Может произойти другое: мне игра в Бориса Акунина может надоесть самому. И тогда я ее прекращу, но придумаю что-нибудь иное.

— От романа к роману трансформируется не только стилистика. Ваш герой тоже подвержен переменам. Он для вас, во всяком случае, предсказуем? Его будущее уже заложено в проекте?

— И да, и нет. С одной стороны, весь цикл про Эраста Фандорина — он у меня в голове сидит, он придуман: я знаю, сколько лет прожил Фандорин, что с ним должно произойти, что будет в каждом романе, как он будет

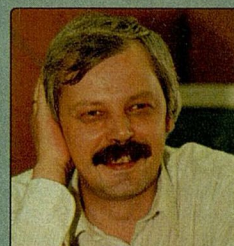
Артеми́й Троицкий,
журналист

Денис Евстигнеев,
кинорежиссер

Александр Хван,
кинорежиссер

Андрей Немзер,
литературный критик

1. Почему никто из детективщиков до Акунина не добился такой популярности у "образованной публики"?	Честно говоря, я российские детективы практически не читаю, поскольку в большинстве своем они исключительно тупые.	Есть еще и Конан Дойл, и Агата Кристи, но сравнивать Акунина с ними рано — как говорится, время покажет.	Обо всех образованных читателях сказать не могу, но мне нравится Маринина. Все-таки это неплохая литература: прекрасно уловлены приметы времени.	Я не считаю, что Акунин популярен среди интеллектуальных читателей. Разве что — среди квазиинтеллектуальных.
2. Вы догадывались, кто скрывается под псевдонимом "Б.Акунин"?	Я, в общем, сразу узнал, что это Григорий Чхартишвили.	Я знал, чей это псевдоним.	Я узнал это давно, прочел в одном из интервью с автором. А до этого? Нет, не догадывался.	Я представлял себе приблизительно, что это должен быть за человек и из какого круга, и впоследствии мои догадки подтвердились.
3. Кто из актеров мог бы сыграть Эраста Фандорина?	Из российских актеров — никто. Скорее кто-то из старых французских актеров. Или Дэвид Суше, который играет Пуаро в телесериале.	Тоже знаю. Но не скажу. В этом, конечно, есть отдельный киношный интерес, и я знаю, что многие сегодня хотят эти книги экранизировать. Я, кстати, не хочу.	Из ныне живущих актеров? Не знаю. Ни один конкретный человек перед глазами не стоит. Тем более что возраст героя на протяжении серии меняется весьма сильно.	Кто угодно. Играть-то особо нечего.
4. Как бы вы посоветовали автору завершить жизненный путь Фандорина?	Пусть Фандорин в итоге окажется Лениным, Троцким или кем-то еще из этой публики.	Я бы хотел, чтобы автор вообще не завершал его жизненный путь. Раз уж он нашел такого замечательного героя — пусть эксплуатирует его и дальше, хоть всю жизнь.	Думаю, что он должен погибнуть во время октябрьских событий 1917-го года или чуть позже — в 18-м или 19-м году.	Я бы посоветовал Акунину перестать писать детективы. И чем скорее, тем лучше.
5. Как вы думаете, Акунин — это однодневный проект, шутка интеллектуала или серьезная литература?	То, что это не однодневный проект, — уже ясно, потому что книг много, они хороши и имеют успех. Вообще же я с трудом провожу грань между литературой серьезной и развлекательной.	Безусловно, из сегодняшнего массового чтения эти книги вытекают. И хоть такого рода литературу не принято называть серьезной — все-таки, на мой взгляд, да, это серьезная литература.	Честно говоря, не люблю деления литературы на серьезную и несерьезную. Я скорее делю книги на те, которые читаю для развлечения, и те, из которых хочу что-то узнать. Акунин — из первой категории.	Это популярный проект, бездарно имитирующий серьезную литературу.

развиваться... Но это план. В то же время я не уверен, что этот план — естественное, что ли, течение истории — произойдет до конца. Потому что Фандорин, в отличие, например, от Джеймса Бонда, — для меня человек живой, он меняется. Он проходит некие этапы жизни, как все мы. Вся эта группа романов для меня кроме всего прочего делится на три группы. Первая группа — это первые три романа — это воспитание чувств, становление характера, мы там видим, как Фандорин превращается из щенка во взрослую ищейку. Вторая группа — это Фандорин зрелый, и последняя группа — Фандорин на склоне лет.

Фандорин, по мере того как он

становится более зрелым, становится, с моей точки зрения, более интересным, а более интересным — значит, более непредсказуемым. Концовка в "Декораторе" — совсем не такая, какую я предполагал вначале. Он вдруг заупрямился и повел себя именно таким образом, а не другим.

Фандорин, он, с одной стороны, вроде бы супермен, да? А с другой стороны — это супермен, который ошибается. Что, с моей точки зрения, делает его более симпатичным. Он вполне может попасть в какую-нибудь такую опасную историю, из которой он не выкарабкается, погибнет. Тогда эта серия оборвется раньше, чем мне хотелось бы, — вполне может быть.

— **Вы пишете на редкость быстро. Роман за три месяца. С учетом редакторской работы в "Иностранке", да плюс переводы...**

— ...плюс я еще работаю в Фонде Сороса, плюс я еще главный редактор двадцатитомной Антологии японской литературы, и что-то еще было...

— **...это такая дьявольская работоспособность, или, когда Б.Акунин пишет, Григорий Чхартишвили отдыхает?**

— Да, Акунин — это отдых. Раньше для того, чтобы отдохнуть, я по нескольку часов в день играл на компьютере. Теперь я на компьютере не играю — мне это не нужно. Я сочиняю романы Акунина. Это каким-то образом занимает тот же

участок извилины удовольствия в мозгу.

— **Слухи о возможной экранизации Акунина компанией "НТВ-профит" подтверждаете? Что это будет: полнометражное кино, телесериал? Вы как-то намерены участвовать в этом процессе?**

— Я собираюсь его контролировать в его содержательной части. Я, естественно, не режиссер, поэтому не могу путаться под ногами режиссера, но я, во-первых, выберу режиссера сам, которому я смогу доверять. Во-вторых, я выберу исполнителя на роль Фандорина сам, потому что это ключевая фигура. И, в-третьих, я буду писать сценарии сам.

«КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО» ПО-СТАРОРУССКИ

Переводные детективы Эдгара По, Мориса Леблана и Конан Дойла нашли себе благодарную публику в до-революционной России. Ими читывались все — от гимназистов-второгодников до высших сановников.

Самым массовым спросом детектив пользовался, выйдя на книжный рынок в виде бесконечных серий типа «Пещеры Лейтвейса». Гимназисты, экономя на завтраках, покупали копеечные ярко раскрашенные брошюры с головокружильными приключениями великих сыщиков Ника Картера, Ната Пинкертона и Шерлока Холмса (к Конан Дойлу никакого отношения не имевшего). Несмотря на заграничный антураж, судя по всему, чужеземные имена использовались лишь как торговая марка, а сами приключения сочинялись где-нибудь на Васильевском острове или в Замоскворечье. Впрочем, не меньшей популярностью, чем американские зубодробительные детективы, пользовалась серия приключений русского сыщика Путилина. **Иван Дмитриевич Путилин** — фигура вполне реальная, это был действительно суперпрофессионал, дослужившийся от младшего помощника надзирателя до начальника Петербургской сыскальной полиции.

Его коллега — начальник Московской сыскальной полиции (а потом и глава сыска всей Империи) **Аркадий Кошко** прославился не меньше, заслужив прозвище «русского Шерлока Холмса». Аркадию Францевичу русская сыскальная полиция во многом обязана тем, что в 1913 году получила первое место в мире в номинации «раскрываемость преступлений». Оказавшись в эмиграции, Кошко издал свои мемуары «Среди убийц и грабителей».

Можно вспомнить **Всеволода Крестовского**, автора «Петербургских трущоб» (чем не детектив?) и романа «Вне закона» (главный герой из корыстных побуждений отправляет к праотцам своего дядюшку-благотельца). Или же **Николая Гейнце**, прославившегося как автор уголовно-бытовых романов, которые нередко строились на основе криминальной хроники («Женский яд», «По трупам», «Под гнетом страсти»). А предтечей советского шпионского детектива стал **Николай Брешко-Брешковский**, написавший несколько книг о кознях германо-австрийских агентов против России («Гадины тыла», «В сетях предательства», «Ремесло сатаны»).

Андрей ЯШЛАВСКИЙ.

С «НТВ-профит» мы не договорились, но есть еще несколько вариантов. Главная проблема в том, что у российского кино сейчас очень мало денег. Я не могу допустить, чтобы экранизация Акунина была дешевой. Она должна быть фактурной. Костюмные драмы требуют больших денег. Дороже всего стоят уличные сцены... Это надо сделать на таком уровне, как это снимается в английском кино: когда ты смотришь и веришь. До тех пор, пока на это денег выделено не будет, — я согласен ждать. Я пишу детективы не про чеченскую войну, это можно экранизировать не сейчас, а через пять лет...

— Ваши сочинения очень топографичны, и сдается мне, скоро романтические прогулки московское отрочество будет совершать не только по булгаковским маршрутам, но и по «фандоринским». Чего-то вроде путевода нет в ваших планах?

— Нет, я бы не советовал изучать историю Москвы по моим романам и вообще историю: все-таки это не исторические романы, это детективы. Та Москва и та Россия, которые там существуют, — они несколько условны.

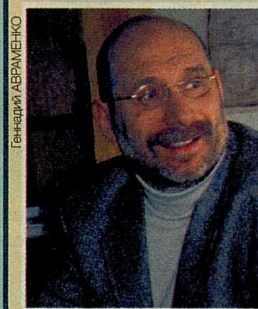
Вместе с тем, действительно, меня интригует очень Москва как город, как Большой Город, как старинный город. Я чувствую в нем и магию, и загадку, и, насколько это возможно, стараюсь передать это ощущение в своих романах. Когда я смотрю на улицы старой Москвы, мне иногда кажется, что я вижу их не такими, какие они сегодня, — я вижу их многослойными. Я вижу призраки и тени домов, которые стоят под стеклом и бетоном. Они нигде не делись, они здесь. Потому что точно так же, как можно перемещаться в пространстве, — точно так же существует карта, где одна точка показана в разных пластах времени. Есть места в Москве, где эта концентрация времени, где оно застаивается, как в низинах, особенно ощущается...

— Старое кладбище Донского монастыря, о котором вы писали?..

— Я люблю туда ходить, это очень странное место, странное в разных отношениях. Во-первых, ты проваливаешься во времени совершенно. И во-вторых, это странное кладбище, на котором абсолютно не возникает страха перед смертью: она воспринимается там как какая-то неотъемлемая и даже уютная часть бытия.

Я его исходил вдоль и поперек, я работал там рядом в издательстве «Русский язык», и мы туда ходили расписывать... Это было каждый присутственный день. И я уж там ходил-ходил, я уж там смотрел-смотрел, и каждый раз, когда я туда прихожу, — я обнаруживаю какие-то очень интересные могилы, на

НЕСЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ГРИГОРИЙ ЧХАРТИШВИЛИ

Григорий ЧХАРТИШВИЛИ

Родился в 1956 году. Окончил Институт стран Азии и Африки МГУ. Переводчик с японского и английского языков. Автор книги «Писатель и самоубийство» (1999). Заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература». Под псевдонимом «Борис Акунин» публикует серию романов «Приключения Эраста Петровича Фандорина». В настоящее время вышли в свет: «Азazelь», «Турецкий гамбит» (оба 1998), «Левифан», «Смерть Ахиллеса», «Особые поручения» (все — 1999), «Коронация» (2000).

которые никогда раньше не обращал внимания. Оно компактное и в то же время какое-то трехмерное, оно раздвигается. Действительно замечательное место. Там есть женское надгробие нечеловеческой красоты — можно влюбиться, я не знаю, стоит ли оно там до сих пор... Но сейчас там, конечно... Наша замечательная православная церковь вошла в силу и старается там все, что можно, испортить: уже там ходят какие-то охранники в масках, туда нельзя, сюда нельзя...

— И все же. Эраст Петрович в церковь не ходок, индивидуалист совершеннейший, космополит... Какие-то идеологические прочтения здесь уместны?

— Нет, не думаю. Если идеология в этой серии есть, то это идеология совсем иного плана. Она близка к тому, что называют национальной идеей. Потому что для меня национальная идея — это не пустой звук. Я очень хорошо понимаю, что в большой стране, да и в маленькой тоже, без какой-то идеи, которая всех способна объединить ради чего-то хорошего, сделать что-то невозможно. А в России надо что-то делать. Просто у нас обычно, когда произносят слова «национальная идея», возникают всякие жутковатые ассоциации: или ксенофобство, или...

Я имею в виду нечто совсем иное. Что-то хорошее, что в России есть, что принадлежит только ей, и на чем можно построить что-то тоже хорошее. В ней есть нечто совершенно определенно хорошее, что, я надеюсь, чувствуется в романах Акунина. Это русская культура и русская литература. Великая. Это то, за что не стыдно ни перед кем. Это, может быть, лучший образец литературы, вообще существующий в мире. Почему бы это не взять за национальную идею?

В русской литературе есть главное: есть система нравственных координат. Совершенно четко можно отсюда почерпнуть: что такое хорошо и что такое плохо. Там все есть. Если ис-

пользовать эту систему как некий нравственный камертон, то это достаточно твердая точка опоры. Просто я не хочу звучать сейчас как проповедник, потому что массовая литература — это массовая литература...

— У массовой литературы свои методы. На героев детектива, к примеру, мальчики мечтают быть похожими. Мальчики читают?

— Мальчики читают, как ни странно. Дети моих знакомых, которые ничего, кроме компьютера, не читают, — Акунина читают, мне это очень нравится.

— Хотят быть похожими на Фандорина?

— Я сам хотел бы быть похож на Фандорина!

— Он для вас — кто?

— Несбывшаяся мечта. Князь Мышкин, который может защитить себя и других.

— Надо в оправдание нашего названия какой-нибудь бульварный впрос...

— Эраст Петрович и женщины.

— Да!

— Да, Эраст Петрович — разбиватель сердец. Хотя он это делает вроде бы против собственной воли, он не хочет никому разбивать сердца, это происходит само собой. Потому что он такой невероятно красивый, обаятельный и неотразимый. Мечта всякого мужчины! У него, как у Джеймса Бонда, в каждом романе — новая подружка. Но подружки опять-таки разные: представляют собой целую галерею различных женских образов. Фандорин как мужчина, проходя по жизни, в то же время проходит и некоторую школу любви. Он плохой ученик в этой школе, в силу собственных биографических обстоятельств и некоторой приморозженности. Но тем не менее периодически кому-то удается... растопить это ледяное сердце. (Смеется.) Так это будет продолжаться и дальше...

БОРИС АКУНИН

КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Когда полтора года назад на прилавках появился роман Бориса Акунина «Азazel», никто толком и не заинтересовался предупредительной фразой на обложке «Б.Акунин — это псевдоним». Не до того было. Впервые, кажется, «читающая публика», не стесняясь, поглощала детектив. Акунин был явно не похож не только на коллег по «цеху мягких обложек», но и на вполне достойных предшественников. Отличный русский язык, редкая для писателя эрудированность, причем не только в традиционной культуре (уже в первом романе выяснилось, например, что Акунин — поклонник фильмов о Бонде), уникальная работоспособность (пять романов за год) без явных потерь качества, наконец.

Когда минувшей осенью псевдоним был наконец раскрыт, никто не удивился. 43-летний культуролог, переводчик-японист и зам главного редактора «Иностранной литературы» Григорий Чхартишвили на роль Акунина годился едва ли не больше, чем кто бы то ни было. Несколько лет назад его имя гремело (если можно греметь в обществе, состоящем максимум из сотни человек) в связи с блистательными переводами Юкио Мисимы, затем — в связи с книгой «Писатель и самоубийство». Как с умилением отметили фанаты, Чхартишвили идеально воплощал редкий у нас западный тип писателя: днем — преподавание в университете (или какая-нибудь еще полезная служба), вечерами — сочинение шедевров.

Когда говорят об Акунине, непременно делают акцент на связи его детективов с классической русской литературой, на то, что «Приключения сыщика Эраста Петровича Фандорина» суть сама литература. Но детективными коллизиями местного читателя не удивишь — у нас вообще романistik номер один про убийство старухи писал. Главное, пожалуй, в другом: Акунин сочинил принципиально нового героя. Жгучий коктейль из Холмса, агента 007 и Ставрогина. Пример для подражания юношеству. Редкий на отечественных просторах человек действия, отягощенный при этом моральной разборчивостью: патриот, консерватор и контрреволюционер. Такие персонажи имеются во всех уважающих себя национальных детективах — неважно, что кое-где это старый комиссар с трубкой в зубах, а где-то — супермен с лицензией на убийство. Теперь и в России.

Алексей КОРОЛЕВ

МК Бульвар. — 2000. — 6-12 марта. — с. 42-44

Дмитрий ТКАЧЕВ

— Пока вы скрывались за псевдонимом Б.Акунин, иные поклонники строили версии, иные загадочно улыбались и хранили тайну. Была интрига. Кто такой Б.Акунин теперь, когда объявлено, что романы про Эраста Петровича Фандорина пишете вы, Григорий Чхартишвили?

— Борис Акунин — это беметрист. Это человек, сочиняющий развлекательные тексты. Мне всегда казалось, что любой человек, любой, какого ни возьми, — это не один человек, а несколько. Можно назвать это масками, можно назвать это гранями — как угодно. Поэтому ничего тут прин-

ципально нового нет. Более того, я и по себе знаю: я могу быть Григорием Чхартишвили, я могу быть Борисом Акуниным, я могу быть кем-то еще...

Что касается интриги: интрига меня не очень радовала, пока она существовала. Я придумал псевдоним вовсе не для того, чтобы кого-то мистифицировать, и не для того, чтобы создавать какую-то дымовую завесу. Во-первых, я работаю в серьезном литературном журнале, и быть детективщиком как-то не вполне прилично в этом качестве. Во всяком случае, до тех пор, пока эта литература не стала достаточно популярной; а победителей не... обсуждают. Это одно.

Второе: как раз когда я начал писать первый детектив, я работал над

очень серьезной для меня литературоведческой книгой «Писатель и самоубийство», и мне ну очень не хотелось, чтобы ее воспринимали как сочинение детективщика. Тогда в ней искали бы совсем другое — развлечение, а в ней, поверьте, никакого развлечения нет. Вот когда эта книга благополучно вышла, мой псевдоним стал мне не нужен, и я с легкостью и с удовольствием с ним расстался.

— Григорий Чхартишвили не боится, что Борис Акунин его затмит, не оставит ему места?

— Ну, во-первых, что касается литератора Григория Чхартишвили, то Акунин его давно вытеснил. Потому что моя книжка «Писатель и самоубий-

ство» вышла тиражом 4000 экземпляров; Акунин продает, как вы понимаете, гораздо большие тиражи. Но это нормально... Может произойти другое: мне игра в Бориса Акунина может надоесть самому. И тогда я ее прекращу, но придумаю что-нибудь иное.

— От романа к роману трансформируется не только стилистика. Ваш герой тоже подвержен переменам. Он для вас, во всяком случае, предсказуем? Его будущее уже заложено в проекте?

— И да, и нет. С одной стороны, весь цикл про Эраста Фандорина — он у меня в голове сидит, он придуман: я знаю, сколько лет прожил Фандорин, что с ним должно произойти, что будет в каждом романе, как он будет

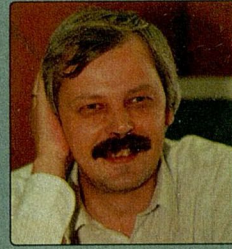
Артеми Троцкий,
журналист

Денис Евстигнеев,
кинорежиссер

Александр Хван,
кинорежиссер

Андрей Немзер,
литературный критик

1. Почему никто из детективщиков до Акунина не добился такой популярности у "образованной публики"?	Честно говоря, я российские детективы практически не читаю, поскольку в большинстве своем они исключительно тупые.	Есть еще и Конан Дойл, и Агата Кристи, но сравнивать Акунина с ними рано — как говорится, время покажет.	Обо всех образованных читателей сказать не могу, но мне нравится Маринина. Все-таки это неплохая литература: прекрасно уловлены приметы времени.	Я не считаю, что Акунин популярен среди интеллектуальных читателей. Все-таки — среди квазиинтеллектуальных.
2. Вы догадывались, кто скрывается под псевдонимом "Б.Акунин"?	Я, в общем, сразу узнал, что это Григорий Чхартишвили.	Я знал, чей это псевдоним.	Я узнал это давно, прочел в одном из интервью с автором. А до этого? Нет, не догадывался.	Я представлял себе приблизительно, что это должен быть за человек и из какого круга, и впоследствии мои догадки подтвердились.
3. Кто из актеров мог бы сыграть Эраста Фандорина?	Из российских актеров — никто. Скорее кто-то из старых французских актеров. Или Дэвид Суше, который играет Пуаро в телесериале.	Тоже знаю. Но не скажу. В этом, конечно, есть отдельный киношный интерес, и я знаю, что многие сегодня хотят эти книги экранизировать. Я, кстати, не хочу.	Из ныне живущих актеров? Не знаю. Ни один конкретный человек перед глазами не стоит. Тем более что возраст героя на протяжении серии меняется весьма сильно.	Кто угодно. Играть-то особо нечего.
4. Как бы вы посоветовали автору завершить жизненный путь Фандорина?	Пусть Фандорин в итоге окажется Лениным, Троцким или кем-то еще из этой публики.	Я бы хотел, чтобы автор вообще не завершал его жизненный путь. Раз уж он нашел такого замечательного героя — пусть эксплуатирует его и дальше, хоть всю жизнь.	Думаю, что он должен погибнуть во время октябрьских событий 1917-го года или чуть позже — в 18-м или 19-м году.	Я бы посоветовал Акунину перестать писать детективы. И чем скорее, тем лучше.
5. Как вы думаете, Акунин — это однодневный проект, шутка интеллектуала или серьезная литература?	То, что это не однодневный проект, — уже ясно, потому что книг много, они хороши и имеют успех. Вообще же я с трудом провожу грань между литературой серьезной и развлекательной.	Безусловно, из сегодняшнего массового чтения эти книги выбиваются. И хоть такого рода литературу не принято называть серьезной — все-таки, на мой взгляд, да, это серьезная литература.	Честно говоря, не люблю деления литературы на серьезную и несерьезную. Я скорее делю книги на те, которые читаю для развлечения, и те, из которых хочу что-то узнать. Акунин — из первой категории.	Это популярный проект, бездарно имитирующий серьезную литературу.

развиваться... Но это план. В то же время я не уверен, что этот план — естественное, что ли, течение истории — произойдет до конца. Потому что Фандорин, в отличие, например, от Джеймса Бонда, — для меня человек живой, он меняется. Он проходит некие этапы жизни, как все мы. Вся эта группа романов для меня кроме всего прочего делится на три группы. Первая группа — это первые три романа — это воспитание чувств, становление характера, мы там видим, как Фандорин превращается из щенка во взрослую ищейку. Вторая группа — это Фандорин зрелый, и последняя группа — Фандорин на склоне лет.

Фандорин, по мере того как он

становится более зрелым, становится, с моей точки зрения, более интересным, а более интересным — значит, более непредсказуемым. Концовка в "Декораторе" — совсем не такая, какую я предполагал вначале. Он вдруг заупрямился и повел себя именно таким образом, а не другим.

Фандорин, он, с одной стороны, вроде бы супермен, да? А с другой стороны — это супермен, который ошибается. Что, с моей точки зрения, делает его более симпатичным. Он вполне может попасть в какую-нибудь такую опасную историю, из которой он не выкарабкается, погибнет. Тогда эта серия оборвется раньше, чем мне хотелось бы, — вполне может быть.

— **Вы пишете на редкость быстро. Роман за три месяца. С учетом редакторской работы в "Иностранке", да плюс переводы...**

— ...плюс я еще работаю в Фонде Сороса, плюс я еще главный редактор двадцатитомной Антологии японской литературы, и что-то еще было...

— **...это такая дьявольская работоспособность, или, когда Б.Акунин пишет, Григорий Чхартишвили отдыхает?**

— Да, Акунин — это отдых. Раньше для того, чтобы отдохнуть, я по несколько часов в день играл на компьютере. Теперь я на компьютере не играю — мне это не нужно. Я сочиняю романы Акунина. Это каким-то образом занимает тот же

участок извилин удовольствия в мозгу.

— **Слухи о возможной экранизации Акунина компанией "НТВ-профит" подтверждаете? Что это будет: полнометражное кино, телесериал? Вы как-то намерены участвовать в этом процессе?**

— Я собираюсь его контролировать в его содержательной части. Я, естественно, не режиссер, поэтому не могу путаться под ногами режиссера, но я, во-первых, выберу режиссера сам, которому я смогу доверять. Во-вторых, я выберу исполнителя на роль Фандорина сам, потому что это ключевая фигура. И, в-третьих, я буду писать сценарии сам.

«КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО» ПО-СТАРОРУССКИ

Переводные детективы Эдгара По, Мориса Леблана и Конан Дойла нашли себе благодарную публику в дореволюционной России. Ими читывались все — от гимназистов-второкурсников до высших сановников.

Самым массовым спросом детектив пользовался, выйдя на книжный рынок в виде бесконечных серий типа «Пещеры Лейхтвейса». Гимназисты, экономя на завтраках, покупали копейные ярко раскрашенные брошюры с головокружительными приключениями великих сыщиков Ника Картера, Ната Пинкертон и Шерлока Холмса (к Конан Дойлу никакого отношения не имевшего). Несмотря на заграничный антураж, судя по всему, чужеземные имена использовались лишь как торговая марка, а сами приключения сочинялись где-нибудь на Васильевском острове или в Замоскворечье. Впрочем, не меньшей популярностью, чем американские зубодробительные детективы, пользовалась серия приключений русского сыщика Путилина. Иван Дмитриевич Путилин — фигура вполне реальная, это был действительно суперпрофессионал, дослужившийся от младшего помощника надзирателя до начальника Петербургской сыскальной полиции.

Его коллега — начальник Московской сыскальной полиции (а потом и глава сыска всей Империи) Аркадий Кошко прославился не меньше, заслужив прозвище «русского Шерлока Холмса». Аркадию Францевичу русская сыскальная полиция во многом обязана тем, что в 1913 году получила первое место в мире в номинации «раскрываемость преступлений». Оказавшись в эмиграции, Кошко издал свои мемуары «Среди убийц и грабителей».

Можно вспомнить Всеволода Крестовского, автора «Петербургских трущоб» (чем не детектив?) и романа «Вне закона» (главный герой из корыстных побуждений отправляет к праотцам своего дядюшку-благотельца). Или же Николая Гейнце, прославившегося как автор уголовно-бытовых романов, которые нередко строились на основе криминальной хроники («Женский яд», «По трупам», «Под гнетом страсти»). А предтечей советского шпионского детектива стал Николай Брешко-Брешковский, написавший несколько книг о кознях германо-австрийских агентов против России («Гадина тыла», «В сетях предательства», «Ремесло сатаны»).

Андрей ЯШЛАВСКИЙ.

С «НТВ-профит» мы не договорились, но есть еще несколько вариантов. Главная проблема в том, что у российского кино сейчас очень мало денег. Я не могу допустить, чтобы экранизация Акунина была дешевой. Она должна быть фактурной. Костюмные драмы требуют больших денег. Дороже всего стоят уличные сцены... Это надо сделать на таком уровне, как это снимается в английском кино: когда ты смотришь и веришь. До тех пор, пока на это денег выделено не будет, — я согласен ждать. Я пишу детективы не про черенскую войну, это можно экранизировать не сейчас, а через пять лет...

— Ваши сочинения очень топографичны, и сдается мне, скоро романтические прогулки московское отрочество будет совершать не только по булгаковским маршрутам, но и по «фандоринским». Чего-то вроде путевода нет в ваших планах?

— Нет, я бы не советовал изучать историю Москвы по моим романам и вообще историю: все-таки это не исторические романы, это детективы. Та Москва и та Россия, которые там существуют, — они несколько условны.

Вместе с тем, действительно, меня интригует очень Москва как город, как Большой Город, как старинный город. Я чувствую в нем и магию, и загадку, и, насколько это возможно, стараюсь передать это ощущение в своих романах. Когда я смотрю на улицы старой Москвы, мне иногда кажется, что я вижу их не такими, какие они сегодня, — я вижу их многослойными. Я вижу призраки и тени домов, которые стоят под стеклом и бетоном. Они никуда не делись, они здесь. Потому что точно так же, как можно перемещаться в пространстве, — точно так же существует карта, где одна точка показана в разных пластах времени. Есть места в Москве, где эта концентрация времени, где оно застаивается, как в низинах, особенно ощущается...

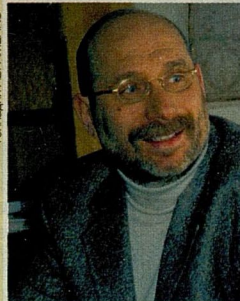
— Старое кладбище Донского монастыря, о котором вы писали?..

— Я люблю туда ходить, это очень странное место, странное в разных отношениях. Во-первых, ты проваливаешься во времени совершенно. И во-вторых, это странное кладбище, на котором абсолютно не возникает страха перед смертью: она воспринимается там каккая-то неотъемлемая и даже уютная часть бытия.

Я его исходил вдоль и поперек, я работал там рядом в издательстве «Русский язык», и мы туда ходили расписывать... Это было каждый присутственный день. И я уж там ходил-ходил, я уж там смотрел-смотрел, и каждый раз, когда я туда прихожу, — я обнаруживаю какие-то очень интересные могилы, на

НЕСЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ГРИГОРИЙ ЧХАРТИШВИЛИ

Геннадий АБРАМЕНКО

Родился в 1956 году. Окончил Институт стран Азии и Африки МГУ. Переводчик с японского и английского языков. Автор книги «Писатель и самоубийство» (1999). Заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература». Под псевдонимом «Борис Акунин» публикует серию романов «Приключения Эраста Петровича Фандорина». В настоящее время вышли в свет: «Азазель», «Турецкий гамбит» (оба 1998), «Левиафан», «Смерть Ахиллеса», «Особые поручения» (все — 1999), «Коронация» (2000).

которые никогда раньше не обращал внимания. Оно компактное и в то же время какое-то трехмерное, оно раздвигается. Действительно замечательное место. Там есть женское надгробие не человеческой красоты — можно влюбиться, я не знаю, стоит ли оно там до сих пор... Но сейчас там, конечно... Наша замечательная православная церковь вошла в силу и старается там все, что можно, испортить: уже там ходят какие-то охранники в масках, туда нельзя, сюда нельзя...

— И все же. Эраст Петрович в церковь не ходок, индивидуалист совершеннонейший, космополит... Какие-то идеологические прочтения здесь уместны?

— Нет, не думаю. Если идеология в этой серии есть, то это идеология совсем иного плана. Она близка к тому, что называют национальной идеей. Потому что для меня национальная идея — это не пустой звук. Я очень хорошо понимаю, что в большой стране, да и в маленькой тоже, без какой-то идеи, которая всех способна объединить ради чего-то хорошего, сделать что-то невозможно. А в России надо что-то делать. Просто у нас обычно, когда произносят слова «национальная идея», возникают всякие жутковатые ассоциации: или ксенофобство, или...

Я имею в виду нечто совсем иное. Что-то хорошее, что в России есть, что принадлежит только ей, и на чем можно построить что-то тоже хорошее. В ней есть нечто совершенно определенно хорошее, что, я надеюсь, чувствуется в романах Акунина. Это русская культура и русская литература. Великая. Это то, за что не стыдно ни перед кем. Это, может быть, лучший образец литературы, вообще существующий в мире. Почему бы это не взять за национальную идею?

В русской литературе есть главное: есть система нравственных координат. Совершенно четко можно отсюда почерпнуть: что такое хорошо и что такое плохо. Там все есть. Если ис-

пользовать эту систему как некий нравственный камертон, то это достаточно твердая точка опоры. Просто я не хочу звучать сейчас как проповедник, потому что массовая литература — это массовая литература...

— У массовой литературы свои методы. На героев детектива, к примеру, мальчики мечтают быть похожими. Мальчики читают?

— Мальчики читают, как ни странно. Дети моих знакомых, которые ничего, кроме компьютера, не читают, — Акунина читают, мне это очень нравится.

— Хотят быть похожими на Фандорина?

— Я сам хотел бы быть похож на Фандорина!

— Он для вас — кто?

— Несбывшаяся мечта. Князь Мышкин, который может защитить себя и других.

— Надо в оправдание нашего названия какой-нибудь бульварный впрос...

— Эраст Петрович и женщины.

— Да!

— Да, Эраст Петрович — разбиватель сердец. Хотя он это делает вроде бы против собственной воли, он не хочет никому разбивать сердца, это происходит само собой. Потому что он такой невероятно красивый, обаятельный и неотразимый. Мечта всякого мужчины! У него, как у Джеймса Бонда, в каждом романе — новая подружка. Но подружки опять-таки разные: представляют собой целую галерею различных женских образов. Фандорин как мужчина, проходя по жизни, в то же время проходит и некоторую школу любви. Он плохой ученик в этой школе, в силу собственных биографических обстоятельств и некоторой приморозженности. Но тем не менее периодически к кому-то удается... растопить это ледяное сердце. (Смеется.) Так это будет продолжаться и дальше...